

АКТИВНОЕ ДОЛГОЛЕТИЕ: ДЕФИНИЦИЯ ПОНЯТИЯ, ОСНОВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

А. Е. Иванова^а, С. А. Вангородская^{аб}

^а Институт демографических исследований – обособленное подразделение
Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
(Москва, Россия)

^б Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Белгород, Россия)

АННОТАЦИЯ:

Введение. В условиях увеличения доли пожилых людей в населении смещение фокуса внимания в сторону решения проблем здорового долголетия является одним из условий обеспечения социальной, экономической и геополитической устойчивости современного общества. Однако, несмотря на актуальность проблематики, можно говорить о существовании ряда проблем, снижающих эффективность реализации политики активного долголетия и диктующих необходимость проведения дальнейших теоретических и эмпирических исследований.

Целью статьи является определение дефиниции активного долголетия, анализ и систематизация основных детерминант, воздействующих на повышение продолжительности и качества жизни, а также выявление основных противоречий, демонстрирующих уязвимость концепции активного долголетия как политического, экономического и социального конструкта.

Методы. В основу методологии проведенного исследования положены концепции активного долголетия, демографического, эпидемиологического и обратного эпидемиологического переходов, подходы, рассматривающие специфику активного долголетия в мужских и женских популяциях, теории демографической безопасности и демографического благополучия. Для подтверждения теоретических выводов применялся вторичный анализ результатов социологических исследований по данной проблематике. Информационную базу статьи составили официальные статистические данные Организации Объединенных Наций и Федеральной службы государственной статистики.

Результаты. Для изучения феномена активного долголетия в научной литературе используются понятия, затрагивающие различные аспекты благополучия пожилых людей и наиболее отвечающие потребностям и/или вызовам современного «стареющего» общества.

Всю совокупность факторов активного долголетия можно условно объединить в три группы: факторы макро-, мезо- и микроуровня. Применительно к социуму, находящемуся в состоянии перманентной трансформации, определяющими выступают социально-экономические, политические и культурно-исторические факторы, состояние экологии, специфика социальной структуры и стратификации, условия труда и быта, развитость социальных сетей.

Анализ стратегических нормативных документов международного и российского уровней, принятых в рамках реализации стратегии активного долголетия, продемонстрировал смещение акцента на рассмотрение проблем старения населения не как демографической угрозы, а как общемирового процесса, предоставляющего новые возможности реализации потенциала для населения старших возрастных групп и общества в целом.

Выводы. Концептуальное осмысление феномена старения населения в научном и политическом дискурсе, связанное в том числе со смещением фокуса в сторону активного долголетия, открывает большие перспективы как для самих пожилых людей, так и для государства, заинтересованного

в реализации потенциала пожилых людей, в том числе для обеспечения социально-экономической, политической и демографической безопасности и устойчивости.

Предложенная в рамках данной статьи классификация детерминант активного долголетия охватывает всю совокупность факторов макро-, мезо- и микроуровня и может быть использована при корректировке стратегий активного долголетия на федеральном и региональном уровнях.

Важным представляется также учет и разрешение противоречий, демонстрирующих уязвимость концепции активного долголетия и требующих пристального внимания со стороны органов власти, общественных структур и научного сообщества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: старение населения, активное долголетие, детерминанты активного долголетия, демографическая безопасность, демографическое благополучие, пожилое население, демографическая политика, стратегии активного долголетия

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Иванова А. Е., Вангородская С. А. Активное долголетие: дефиниция понятия, основные детерминанты и противоречия // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 3. С. 38-51. EDN IDDCXW. DOI 10.22394/2304-3369-2024-3-38-51.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Иванова Алла Ефимовна – доктор экономических наук, профессор; Институт демографических исследований – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1) — *заведующий отделом здоровья и самосохранительного поведения*; ivanova-home@yandex.ru. SPIN-код: 7621-8398, ORCID: 0000-0002-0258-3479, ScopusID: 24329092500, ResearcherID: R-7551-2016.

Вангородская Светлана Анатольевна – доктор социологических наук, доцент; Институт демографических исследований – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1) — *ведущий научный сотрудник отдела здоровья и самосохранительного поведения*; Белгородский государственный национальный исследовательский университет (308015, Россия, Белгород, Победы, 85) — *профессор кафедры социальных технологий и государственной службы*; Vangorodskaya@bsu.edu.ru. SPIN-код: 1094-8083, ORCID: 0000-0002-1100-423X, ResearcherID: AAD-4597-2022.

Статья поступила 14.02.2024; рецензия получена 18.03.2024; принята к публикации 02.05.2024.

ACTIVE LONGEVITY: CONCEPT DEFINITION, KEY DETERMINANTS AND CONTRADICTIONS

A. E. Ivanova^a, S. A. Vangorodskaya^{ab}

^a Institute for Demographic Research Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

^b Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

ABSTRACT:

Introduction. With the increasing share of elderly people in the population, shifting the focus of attention towards solving the problems of healthy longevity is one of the conditions for ensuring social, economic and geopolitical sustainability of modern society. However, despite the relevance of the issue, we can talk about the existence of a number of problems that reduce the effectiveness of the implementation of the active longevity policy and dictate the need for further theoretical and empirical research.

The purpose of the article is to elaborate the definition of active longevity, analyze and systematize the main determinants affecting the increase in life expectancy and quality of life, and identify the key contradictions demonstrating the vulnerable nature of the concept of active longevity as a political, economic and social construct.

Methodology. The methodology of the study is based on the concepts of active longevity, demographic, epidemiological and reverse epidemiological transitions, approaches considering active longevity specifics in male and female populations, the theory of demographic security and demographic well-being. To confirm the theoretical conclusions, a secondary analysis of the results of sociological research on this issue was used. The information base of the article was compiled by the official statistics of the United Nations and the Federal State Statistics Service.

Results. To study the phenomenon of active longevity, the scientific literature uses concepts that affect various aspects of the well-being of elderly people and best meet the needs and/or challenges of a modern “aging” society.

The whole set of factors of active longevity can be conditionally combined into three groups: macro-, meso- and micro-level factors. In the case of a society in a state of permanent transformation, socio-economic, political, cultural and historical factors, the state of ecology, the specifics of social structure and stratification, working and living conditions, and the development of social networks are decisive.

An analysis of strategic regulatory documents at the international and Russian levels, adopted as part of the implementation of the active longevity strategy has demonstrated a shift in emphasis to considering the problems of population aging not as a demographic threat, but as a global process that provides new opportunities for realizing the potential of the population of older age groups and society as a whole.

Conclusions. A conceptual understanding of the phenomenon of population aging in scientific and political discourse, including a shift in focus towards active longevity, opens up great prospects both for the elderly themselves and for the state interested in realizing the potential of older people, including for ensuring socio-economic, political and demographic security and sustainability.

The classification of determinants of active longevity proposed in this article covers the entire set of macro-, meso- and micro-level factors and can be used to adjust active longevity strategies at the federal and regional levels.

It is also important to take into account and resolve the contradictions that demonstrate the vulnerability of the concept of active longevity and require close attention from authorities, public structures and the scientific community.

KEYWORDS: population aging, active longevity, determinants of active longevity, demographic security, demographic well-being, elderly population, demographic policy, strategies of active longevity

FOR CITATION: Ivanova, A. E., & Vangorodskaya, S. A. (2024). Active longevity: concept definition, key determinants and contradictions. *Management Issues*, 18(3), 38–51. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-3-38-51>

AUTHORS' INFORMATION:

Alla E. Ivanova – Advanced Doctor in Economic Sciences, Full Professor; Institute for Demographic Research Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia) — *head of the Department of Health and Self-Preservation Behavior*; ivanova-home@yandex.ru. RSCI SPIN: 7621-8398, ORCID: 0000-0002-0258-3479, ScopusID: 24329092500, ResearcherID: R-7551-2016.

Svetlana A. Vangorodskaya – Advanced Doctor in Sociological Sciences, Associate Professor; Institute for Demographic Research Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia) — *leading researcher of the Department of Health and Self-Preservation Behavior*; Belgorod State National Research University (85, Pobedy, Belgorod, 308015, Russia) — *professor of the Department of Social Technologies and Public Administration*; Vangorodskaya@bsu.edu.ru. RSCI SPIN: 1094-8083, ORCID: 0000-0002-1100-423X, ResearcherID: AAD-4597-2022.

The article was submitted 02/14/2024; reviewed 03/18/2024; accepted for publication 05/02/2024.

■ ВВЕДЕНИЕ

Интерес мирового научного сообщества к проблеме активного долголетия неразрывно связан с проблемами демографической устойчивости, безопасности и благополучия, стоящими сегодня перед большинством развитых стран. Смещение фокуса внимания в сторону различных аспектов повышения продолжительности и качества жизни населения старших возрастных групп стало не только одним из ключевых трендов последних десятилетий, но и важнейшим драйвером перемен во всех сферах современного общества.

Согласно прогнозам Всемирной организации здравоохранения, за период с 2015 по 2050 г. доля населения мира в возрасте старше 60 лет почти удвоится и составит 22% (против 12% в 2015 г.), а численность населения в возрасте старше 80 лет за 2020–2050 гг. вырастет втрое и достигнет 426 млн человек¹. Это выдвигает перед обществом ряд актуальных задач, обусловленных изменением роли и положения пожилых людей в обществе и связанных как с необходимостью расширения их прав и возможностей интеграции в активную социальную жизнь, так и с необходимостью адаптации самого общества к существенным изменениям, инициированным повышением в населении доли лиц старших возрастных групп.

Актуальность проблемы активного долголетия в России, как и в других развитых странах мира, обусловлена в первую очередь процессами старения населения, результатом чего становится трансформация возрастной пирамиды в сторону увеличения доли пожилых людей (которая сравнивается или даже превышает долю детей). Согласно среднему варианту прогноза, представленного Росстатом в конце 2023 г. с учетом результатов Всероссийской переписи населения 2021 г., доля детей и подростков моложе 15 лет уменьшится за период с 2024 до 2045 г. с 18,4 до 15,6%, а доля населения старше трудоспособного возраста за тот же период увеличится с 23,6 до 26,9%².

В условиях увеличения доли пожилых людей в населении смещение политического, социального и научного дискурса в сторону решения проблем здорового долголетия является одним из ключевых условий развития и благополучия со-

временного социума, обеспечения его социальной, экономической и геополитической устойчивости.

Целью статьи является определение дефиниции активного долголетия, анализ и систематизация основных детерминант, воздействующих на повышение продолжительности и качества жизни, а также выявление основных противоречий, снижающих эффективность реализации программ активного долголетия в России.

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В основу методологии проведенного исследования положены концепции активного долголетия, демографического, эпидемиологического и обратного эпидемиологического переходов, подходы, рассматривающие специфику активного долголетия в мужских и женских популяциях, теории демографической безопасности и демографического благополучия. Для подтверждения теоретических выводов применялся анализ стратегических нормативных документов международного и российского уровней, принятых в рамках реализации стратегии активного долголетия, а также вторичный анализ результатов социологических исследований по данной проблематике. Информационную базу статьи составили официальные статистические данные Организации Объединенных Наций и Федеральной службы государственной статистики.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ

Согласно определению Всемирной организации здравоохранения (2002) понятие «активное старение» (преобразованное в русскоязычном пространстве в «активное долголетие», призванное нивелировать негативные ассоциации с ускоренным старением) понимается как «процесс оптимизации возможностей для обеспечения здоровья, участия в жизни общества, защищенности человека с целью улучшения качества его жизни в ходе старения»³ и складывается из трех составляющих: физического и ментального здоровья, активности во всех ее проявлениях (экономической, политической, социальной и пр.), а также безопасности – как физической, так и материальной⁴.

¹ Старение и здоровье // Всемирная Организация Здравоохранения. 2022. 1 октября. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/ageing-and-health> (дата обращения: 01.11.2023).

² Росстат опубликовал демографический прогноз до 2046 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 01.02.2024).

³ Благоприятные условия для жизни людей старшего возраста в Европе. Пособие с описанием стратегических областей действий. Копенгаген: Европейское региональное бюро ВОЗ // Всемирная организация здравоохранения. 2021. URL: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/350008/9789289056076-rus.pdf> (дата обращения: 12.12.2023).

⁴ Там же.

В настоящее время для изучения феномена активного долголетия в научной литературе используются понятия, затрагивающие различные аспекты благополучия (термин, используемый во многих стратегических документах как синоним «качества жизни») пожилых людей [1, с. 6; 2, с. 13–18]. К их числу относятся такие, как «успешное старение», «позитивное старение», «осознанное старение», «гармоничное старение», «оптимальное старение», «продуктивное старение», «здоровое старение» [3]. Каждое из этих понятий отражает ту сферу долголетия, которая представляется авторам наиболее отвечающей потребностям и/или вызовам современного «стареющего» общества. Изначально под «успешным старением» [4–5] понималась «максимальная удовлетворенность пожилого человека жизнью без серьезных затрат для общества» [4], дополненная впоследствии такими компонентами, как низкая вероятность заболеваемости и инвалидности, высокая физическая и когнитивная активность, а также разнообразный досуг и активное участие в общественной жизни [6].

В отечественной литературе наиболее широкий подход к дефиниции активного долголетия представлен в работах ученых вологодской школы (Барсуков В. Н., Калачикова О. Н., Короленко А. В., Шабунова А. А.), в соответствии с которым оно рассматривается как социальное явление, включающее «распространение среди населения ценностей и поведенческих практик, ориентированных на поддержание в течение всей жизни здоровья и хорошего самочувствия, социальных связей, а также на развитие и сохранение трудовой, творческой и интеллектуальной активности, обеспечивающих самореализацию и удовлетворенность жизнью, с одной стороны, и эффективное использование человеческого потенциала всех возрастных групп населения – с другой» [3, с. 41].

Таким образом, человек рассматривается не как объект заботы государства в лице его институтов для обеспечения условий благополучной жизнедеятельности, но как активный субъект, который в соответствии с системой ценностей реализует практики достижения активного долголетия на протяжении жизни, а не только в пожилом возрасте. Это позволяет гармонизировать интересы личности и ее удовлетворенность жизнью в результате самореализации и интересы государства по эффективному использованию человеческого потенциала.

Различные вариации данного концептуального подхода встречаются в работах других авторов. Так, Е. В. Васильева рассматривает феномен активного долголетия через призму двух подходов: комплексного (ориентированного на изучение реализации потенциала пожилых людей в различных сферах жизни общества) и экономического (делающего акцент на государственных интересах в экономической сфере и рассматривающего сохранение здоровья пожилых людей как необходимое условие их привлечения на рынок труда) [2, с. 22–26].

Второй – экономический – подход является наиболее распространенным и транслируется в значительном числе научных работ. Это во многом стало закономерным результатом сокращения доли населения трудоспособного возраста, усугубления нагрузки на социальную сферу и, как следствие, необходимости продления периода активной трудовой деятельности, в первую очередь, все увеличивающейся категории населения старших возрастных групп. Не стал исключением и коллективный научный труд «Горизонт 2040» о будущем России, вышедший в конце 2023 г. и объединивший результаты научных исследований в области демографии, экологии, здравоохранения, климата, энергетики и пр. Один из участников проекта Д. Р. Белоусов, характеризуя глобальные технологические тренды 2022–2040 годов, связывает развитие технологий продления человеческой жизни и активной старости в первую очередь с дефицитом трудовых ресурсов в развитых странах⁵.

Смещение акцента на рассмотрение проблем старения населения не как демографической угрозы, а как общемирового процесса, предоставляющего новые возможности реализации потенциала для населения старших возрастных групп и общества в целом, происходит при разработке и реализации стратегических и программных документов различного уровня.

В докладе «Благоприятные условия для жизни людей старшего возраста в Европе», представленном Всемирной организацией здравоохранения в 2021 г., описаны 8 основных направлений (областей стратегических действий), которые распределены по трем крупным секторам (физическая среда, социальная среда и муниципальные услуги) и должны быть положены в основу

⁵ Горизонт 2040. URL: <https://asi.ru/library/main/198226/> (дата обращения: 25.01.2024).

реализации стратегий политики активного долголетия в странах Европы. При этом в качестве ключевого условия для обеспечения здорового старения выступает создание поддерживающей среды, дающей возможность пожилым людям «возможность вести здоровый и активный образ жизни на всех ее этапах с учетом их различных потребностей и потенциала»⁶.

По сути близкое по значению определение активного долголетия как состояния «социального, экономического, физического и психологического благополучия граждан старшего поколения, которое обеспечивает им возможность для удовлетворения потребностей, включение в различные сферы жизни общества и достигается при их активном участии»⁷ представлено в научно-методическом докладе НИУ ВШЭ «Концепция политики активного долголетия», изданном в 2020 г.

При этом в качестве двуединой цели политики активного долголетия заявлено обеспечение «всем гражданам условий для плодотворной и независимой жизни и, наряду с этим, мобилизация потенциала стареющего общества для его непрерывного устойчивого развития»⁸. Эта цель положена в основу ряда стратегических и программных документов федерального и регионального уровня (таких как Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 г.⁹, национальный проект «Демография»¹⁰ и пр.), а также использовано при разработке индекса активного долголетия (*Active Ageing Index*) в Российской Федерации, разработанного Федеральной служ-

бой государственной статистики и утвержденного приказом Росстата от 31 октября 2019 г.¹¹.

Наряду с положительной оценкой расширения дефиниции «активное долголетие» можно выделить также и ряд проблем, связанных в том числе с многообразием и разнородностью международных и отечественных методик измерения активного долголетия [1-3; 7-9]. Это приводит к сложностям межстрановых и межрегиональных сопоставлений, а также снижению эффективности (экономической и социальной) программ и проектов, разрабатываемых в рамках реализации политики активного долголетия, и диктует потребность в разработке интегрального индекса активного долголетия, которая, несмотря на определенные успехи в этой сфере, до сих пор не решена [8; 10].

Данная проблема является следствием не только многогранности самого понятия «активное долголетие», но и плюрализма мнений в отношении обуславливающих его детерминант.

Наиболее полное представление о детерминантах активного долголетия можно получить, анализируя индекс активного долголетия (ИАД), представленный в методических рекомендациях ООН¹². В индекс вошли 22 показателя¹³, сгруппированные в четыре субиндекса (домена), такие как «занятость, участие в жизни общества, независимая, здоровая и безопасная жизнь,

⁶ Благоприятные условия для жизни людей старшего возраста в Европе. Пособие с описанием стратегических областей действий. Копенгаген: Европейское региональное бюро ВОЗ, 2021. С. 9 // Всемирная организация здравоохранения: сайт. URL: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/350008/9789289056076-rus.pdf> (дата обращения: 12.12.2023).

⁷ Концепция политики активного долголетия : научно-методологический докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества (Москва, 2020 г.) / под ред. А. Н. Овчаровой, М. А. Морозовой, О. В. Синявской ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 7.

⁸ Там же. С. 8.

⁹ Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.02.2016 № 164-р // Правительство Российской Федерации. URL: <http://static.government.ru/media/files/7PvwIIE5X5KwzFPuYtNAZf3aBz61bY5i.pdf> (дата обращения: 01.12.2023).

¹⁰ Паспорт Национального проекта «Демография» // Правительство России: офиц. сайт. URL: <http://government.ru/info/35559/> (дата обращения 12.01.2024).

¹¹ Индекс активного долголетия (Active Ageing Index) // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/2020/04-01/Hsusyebg/prez-1802.pdf> (дата обращения: 15.11.2023).

¹² Индекс активного долголетия (ИАД) в странах за пределами ЕС и на субнациональном уровне : Методические рекомендации // Европейская экономическая комиссия ООН. 2018. URL: https://unece.org/sites/default/files/2021-07/AAI_Guidelines_final_RUS.pdf (дата обращения: 18.11.2023).

¹³ В число 22 показателей входят: занятость; волонтерская деятельность; уход за детьми, внуками; уход за пожилыми людьми; участие в политической жизни; физическая активность; доступ к медицинской и стоматологической помощи; независимое проживание; оценка финансового положения пожилых относительно остального общества; риск бедности; риск материальных лишений; относительный медианный доход; отсутствие риска бедности; отсутствие материальной депривации; физическая безопасность; непрерывное обучение; степень достижения ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) целевого показателя в 105 лет; доля ожидаемой продолжительности здоровой жизни в общей ожидаемой продолжительности жизни в возрасте 55 лет; психическое благополучие; использование сети Интернет; социальные связи; уровень образования. Источник: Индекс активного долголетия (ИАД) в странах за пределами ЕС и на субнациональном уровне : Методические рекомендации. 2018. С. 19-52 // Европейская экономическая комиссия ООН. URL: https://unece.org/sites/default/files/2021-07/AAI_Guidelines_final_RUS.pdf (дата обращения: 17.11.2023).

а также имеющийся потенциал и благоприятная среда для активного долголетия»¹⁴.

Всемирной организацией здравоохранения выделены шесть детерминант активного долголетия: экономические и социальные факторы, физическое окружение, социальное и медицинское обслуживание, индивидуальные физические и психологические характеристики¹⁵.

Ссылаясь на результаты исследований, Т. А. Бурцева, С. Н. Гагарина и Н. Ю. Чаусов выделяют следующие компоненты качества жизни пожилых людей, которые, на наш взгляд, также можно считать одновременно и характеристиками, и основными детерминантами активного долголетия: «состояние здоровья, физическая, трудовая и социальная активность, наличие семьи, друзей и доверительного лица, финансовая независимость, окружающая среда и ее безопасность» [1, с. 9].

Изучение факторов активного долголетия находится в фокусе внимания вологодской научной школы и основано как на анализе теоретических работ, так и на результатах эмпирических исследований [3; 10–13]. В результате, ключевыми компонентами активного долголетия названы «здоровье, занятость (трудовая деятельность, социальные связи, досуг и увлечения, непрерывное образование и развитие») [3, с. 31], а все детерминанты объединены в две группы: «внутренние, связанные с поведением человека (установки, мотивы и действия), и внешние, отражающие условия среды (доступность инфраструктуры, общественное одобрение, уровень жизни)» [3, с. 31].

Большая часть этих факторов еще в 90-х гг. XX века легли в основу разработанной G. Dahlgren и M. Whitehead¹⁶ «многослойной» модели социальных детерминант здоровья и позднее были систематизированы Л. В. Пановой в рамках предложенной ею многоуровневой методологии изучения здоровья [14].

¹⁴ Индекс активного долголетия (ИАД) в странах за пределами ЕС и на субнациональном уровне : Методические рекомендации. 2018. С. 6 // Европейская экономическая комиссия ООН. URL: https://unece.org/sites/default/files/2021-07/AAI_Guidelines_final_RUS.pdf (дата обращения: 18.11.2023).

¹⁵ Концепция политики активного долголетия : научно-методологический докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 г. / под ред. Л. Н. Овчаровой, М. А. Морозовой, О. В. Сивянской ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 8.

¹⁶ Dahlgren, G., & Whitehead. M. *Policies and strategies to promote social equity in health*. Stockholm: Institute for Future Studies, 1991.

В работе М. С. Пристрома и соавторов на основе результатов исследования 106 долгожителей в возрасте от 90 до 102 лет, проживающих в Минской области Республики Беларусь, был сделан вывод о том, что «феномен долголетия имеет многофакторную обусловленность, возникающую вследствие сложного взаимодействия наследственных и внешнесредовых факторов» [15]. Аналогичные выводы были сделаны в рамках биографического исследования, проведенного С. А. Вангородской с использованием данных полуструктурированных интервью 30 женщин-долгожительниц России в возрасте от 90 до 131 года [16].

Суммируя наработки по данному вопросу, всю совокупность факторов активного долголетия можно условно объединить в три группы:

1) факторы макроуровня, представляющие собой объективные условия реализации стратегий активного долголетия и включающие экономические, политические, экологические, социокультурные и институциональные особенности конкретного общества;

2) факторы мезоуровня, в число которых входят: условия проживания, степень участия в экономической и социальной жизни общества, степень социальной защищенности и доступности государственных и негосударственных медицинских услуг и лекарственного обеспечения, гендерная специфика реализации стратегий активного долголетия, степень включенности в социальные сети, семейные и иные малые группы, виды социальных взаимодействий между людьми в процессе ежедневных практик здоровьесбережения, формальные и неформальные нормы (стандарты) в отношении здоровья и продолжительности жизни, действующие на уровне малых социальных групп (семьи, друзей, сверстников) и пр.;

3) факторы микроуровня, отражающие условия реализации стратегий активного долголетия на индивидуальном уровне и включающие в себя: индивидуальные характеристики здоровья (в том числе генетическую предрасположенность к долголетию и пр.), ценностные и диспозиционно-мотивационные аспекты долголетия, нормы в отношении здоровья и индивидуальные практики самосохранительного поведения, сформированные семьей и ближайшим окружением, степень информированности в отношении рисков, угроз и стратегий самосохранительного поведения, уровень испытываемого

стресса, опыт столкновения со смертью и пр., оказывающие непосредственное и опосредованное влияние на реализацию индивидуальных стратегий активного долголетия.

Изучая детерминанты активного долголетия, исследователи Санкт-Петербургской школы И. Григорьева и Е. Богданова пришли к выводу о доминирующей роли индивидуальной активности в поддержании физического, психического и социального здоровья. Отмечая стремление россиян «скорее преувеличивать степень нездоровья и пожаловаться на медицину, чем активно заниматься поддержанием или сохранением здоровья» [17, с. 202], авторы ссылаются на четырехфакторную модель здоровья, принятую в международной практике и отводящую медицинской помощи «не более 10–15% обеспечения здоровья, а собственному образу жизни – около 50%» [17, с. 201].

Безусловно, проявление индивидуальной активности в выстраивании и реализации стратегий самосохранительного поведения можно считать одним из важнейших факторов обеспечения активного долголетия. Однако применительно к социуму, находящемуся в состоянии перманентной трансформации, определяющими, на наш взгляд, выступают все-таки социально-экономические, политические и культурно-исторические факторы, состояние экологии, специфика социальной структуры и стратификации, условия труда и быта, развитость социальных сетей. Это умозаключение перекликается с выводом экспертов Всемирной организации здравоохранения о том, что именно «социальные детерминанты здоровья лежат в основе большинства несправедливостей в отношении здоровья, то есть дискриминационных и устранимых различий в показателях здоровья, наблюдаемых в странах и между странами»¹⁷. Исходя из этого, наиболее перспективной представляется нам позиция исследователей, рассматривающих феномен активного долголетия через призму «расширения возможностей и сокращения

ограничений на пути автономной и независимой жизни населения по мере его старения»¹⁸.

Существенная роль в реализации предпосылок к активному долголетию отводится организации досуга, в частности, путешествиям [18] и занятиям различными видами творческой деятельности, положительное влияние которой на продолжительность и качество жизни получило подтверждение в ходе научных исследований [19]. В настоящее время появляются работы, акцентирующие внимание на важности данного аспекта, в том числе через призму анализа российского и зарубежного опыта культурно-досуговой деятельности пожилых людей как один из эффективных инструментов реализации политики активного долголетия [20; 21].

Так или иначе, можно говорить о взаимовлиянии двух групп факторов, предопределяющих успешность реализации стратегий активного долголетия, индивидуальной жизнеспособности и потенциала пожилого человека – с одной стороны, а также внешних условий, окружающих данного человека и способствующих или препятствующих реализации данного потенциала, – с другой [22].

Данная классификация является, на наш взгляд, оптимальной и может быть использована в качестве основы при совершенствовании механизмов реализации политики активного долголетия, которая на сегодняшний день «страдает бессистемностью и ограничивается рядом краткосрочных мер» [22, с. 10].

■ ОБСУЖДЕНИЕ

Изучение работ отечественных и зарубежных исследователей, а также анализ основных стратегических и программных документов, реализуемых в России в рамках политики активного долголетия, позволяет выделить ряд противоречий, демонстрирующих уязвимость концепции активного долголетия как политического, экономического и социального конструкта и требующих пристального внимания со стороны органов власти, общественных структур и научного сообщества:

1. Противоречие между расширением дефиниции «активное долголетие» за счет включения

¹⁷ Благоприятные условия для жизни людей старшего возраста в Европе. Пособие с описанием стратегических областей действий. Копенгаген: Европейское региональное бюро ВОЗ // Всемирная организация здравоохранения. 2021. URL: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/350008/9789289056076-rus.pdf> (дата обращения: 12.12.2023).

¹⁸ Васильева Е. В. Формирование и реализация политики активного долголетия в условиях старения населения России : автореф. дис. ... д-ра экон. наук / Васильева Елена Витальевна. Екатеринбург, 2023. С. 14.

в него множества параметров и фактическим сужением его «интерпретации до «продуктивного» старения, приносящего пользу обществу и, соответственно, фокусирующегося на <...> способах продлить период оплачиваемой занятости» [23, с. 97]. По утверждению И. Григорьевой и Е. Богдановой, это приводит к тому, что главной «стратегической задачей, на решение которой направлена концепция активного старения, является возврат людей старшего возраста на рынок труда..., а занятость в периоде от 55 до 74 лет является приоритетным контролируемым параметром...» [17, с. 189].

В качестве одного из косвенных доказательств можно привести содержание Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 г., в которой в первую очередь прописан раздел «Доходы и занятость граждан старшего поколения», а уже после него – все остальные разделы, касающиеся обеспечения здоровья, обучения и досуга пожилых россиян.

Отождествление понятий «активное долголетие» и «продуктивное долголетие», связанное с переходом от «понимания старения как <...> утрачиваемой с возрастом способности работать» к «ценностям активного старения и участия на рынке труда» [17, с. 188], фактически игнорирует интересы той части пожилых граждан, для которых мотивация к продлению жизни может выходить далеко за рамки трудовой деятельности и привычных ролевых моделей, распространяясь на сферы творчества, самообразования, духовного роста, волонтерства, помощи детям и внукам и т. д.

2. Противоречие между запросом со стороны государства на продление активной трудовой жизни и объективными возможностями пожилых россиян. Как отмечают О. В. Синявская и А. А. Червякова, «возможности и потенциал активного долголетия в России по-прежнему сильно ограничены низкой ожидаемой продолжительностью жизни в старшем возрасте (особенно у мужчин) и низким уровнем психологического благополучия» [23, с. 108]. Так, по данным Всемирной организации здравоохранения, ожидаемая продолжительность здоровой жизни россиян в возрасте 60 лет в 2019 г. составила 15 лет. При этом по показателю ОПЗЖ Россия в 2019 г. занимала 97 место среди более чем 180 стран мира, демонстрируя отставание от стран-лидеров рейтинга

на более чем 5 лет, а от средних показателей по Европейскому региону – на 2,1 года¹⁹.

С учетом того, что ожидаемая продолжительность здоровой жизни в России значительно ниже, чем в экономически развитых странах, а «различия в продолжительности здоровой жизни между субъектами Российской Федерации достигают большего размаха, чем между группами стран с низким и высоким доходом, между регионами ВОЗ, между странами Европейского региона ВОЗ» [24, с. 48], есть смысл прислушаться к экспертам, рекомендующим «замедлить темпы повышения пенсионного возраста в РФ – особенно для мужчин. Иначе период здоровой жизни может у них закончиться раньше пенсии»²⁰.

3. Противоречие между запросом государства на активную интеграцию пожилых в экономический сектор и реальным положением дел, при котором представители старших возрастных групп зачастую оказываются одной из самых уязвимых групп, сталкиваясь с различными видами дискриминации и депривации.

Сюда же можно добавить «отсутствие практики эйдж-менеджмента (управления разновозрастным коллективом) в российских компаниях»²¹, а также эйджизм, который, по мнению ряда исследователей, в современном обществе распространен больше, нежели дискриминация по половому или этническому признаку [22; 25], и входит в явное противоречие с требованиями к пожилому человеку со стороны государства как к полноценному его члену, обязанному продолжать активную трудовую деятельность наравне с представителями более молодых поколений. Акцент на существовании в российском обществе негативных тенденций, связанных с дискриминацией по возрастному признаку и необходимости преодоления «негативных стереотипов старости и проявлений насилия и дискриминации по отношению к людям стар-

¹⁹ Global Health Observatory data repository // Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://apps.who.int/gho/data/node.main.HALE?lang=en> (дата обращения: 23.01.2024).

²⁰ У россиян после 60 есть только шесть лет здоровой жизни. Повышение пенсионного возраста для мужчин рекомендовано замедлить // Независимая газета. 2023. 19 февраля. URL: https://www.ng.ru/economics/2023-02-19/1_8664_life.html (дата обращения: 23.01.2024).

²¹ Концепция политики активного долголетия : научно-методологический докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества (Москва, 2020 г.) / под ред. А. Н. Овчаровой, М. А. Морозовой, О. В. Синявской ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 14.

шого поколения», сделан в ряде стратегических документов, в частности, в Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 г.²²

В то же время важным является признание неоднородности населения старших возрастных групп, требующее дифференцированных мер в части поддержания здоровья, трудовой деятельности и организации досуга как мужской части пожилых россиян (особенно с учетом проблемы «мужской сверхсмертности», отличающей Россию от большинства развитых стран мира), так и женской, поскольку у «стареющей России «женское лицо»» [26, с. 115].

Последнее обусловлено выраженным гендерным дисбалансом в старших возрастных группах населения и требует при разработке и реализации программ активного долголетия уделять особое внимание траекториям долголетия женщин, которые «с возрастом ... неуклонно теряют свои сущностные качества, занимают самые низкие статусные ступеньки в глазах общества» [27] и, согласно данным Всемирной организации здравоохранения (2021), чаще, чем мужчины, сталкиваются в возрасте старше 65 лет с существенными материальными лишениями, проблемами одиночества и социальной изоляции²³.

Именно гендерное неравенство также во многом предопределяет трудности в реализации индивидуальных стратегий активного долголетия в России [10, с. 8], где, по данным исследований, «мужчины чаще, чем женщины <...> ощущают себя в большей безопасности, реже отмечают проблемы с доступом к медицинской помощи, имеют более высокие доходы и меньшие относительные риски бедности» [23, с. 105].

Так или иначе, нельзя не согласиться с экспертами Всемирной организации здравоохранения, которые отмечают, что «успех деятельности по улучшению здоровья и повышению благополучия людей старшего возраста <...> во многом

зависит от того, насколько эффективно она будет охватывать людей из групп наибольшего риска»²⁴.

4. С последним тезисом связано противоречие между запросом государства на увеличение продолжительности жизни россиян и повышением нагрузки на систему здравоохранения и социальной поддержки, которые в настоящее время далеки «не только от идеала, но и даже от оптимального уровня, дающего пожилым людям шанс на адекватную и достойную жизнь в обществе» [28, с. 113].

В этой связи приходится констатировать, что на сегодняшний день в России, к сожалению, еще не созданы предпосылки для отождествления понятий старости с «активным» и, тем более, «здоровым» долголетием.

Такой вывод напрашивается, в частности, при анализе проекта «Старшее поколение», входящего в национальный проект «Демография» и предполагающего в качестве основной цели «создание условий для активного долголетия, качественной жизни граждан пожилого возраста, мотивации к ведению гражданами здорового образа жизни»²⁵. При этом наиболее значимые задачи (призванные в идеале способствовать достижению данной цели) касаются проведения профилактических медицинских осмотров, а также совершенствования системы социального обслуживания с акцентом на выстраивание системы долговременного ухода для нуждающихся в нем пожилых граждан и инвалидов. Подробный анализ других проблем, связанных с реализацией проекта «Старшее поколение» в аспекте активного долголетия, представлен в работах К. А. Галкина [29, с. 24].

Безусловно, не отрицая всей значимости поставленных в проекте задач, такой акцент на системе долговременного ухода, как минимум, препятствует формированию в публичном пространстве позитивного образа пожилого человека и, по сути, идет вразрез с концепцией активного старения, сформулированной в Мадридском плане действий по старению в 2002 г.²⁶ и декларирующей «отказ от биологизированного и ме-

²² Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.02.2016 №164-р // Правительство Российской Федерации. URL: <http://static.government.ru/media/files/7PvwIIIE5X5KwzFPuYtNAZf3aBz61bY5i.pdf> (дата обращения: 01.12.2023).

²³ Благоприятные условия для жизни людей старшего возраста в Европе. Пособие с описанием стратегических областей действий. Копенгаген: Европейское региональное бюро ВОЗ, 2021. С. 69, 84 // Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/350008/9789289056076-rus.pdf> (дата обращения: 12.12.2023).

²⁴ Там же.

²⁵ Федеральный проект «Старшее поколение» // Министерство труда и социальной Российской Федерации. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography/3> (дата обращения: 01.12.2023).

²⁶ Мадридский международный план действий по проблемам старения 2002 года. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ageing_program.shtml (дата обращения: 11.12.2023).

дикализируемого понимания старения как времени обязательного угасания и утрачиваемой с возрастом способности работать» [17, с. 188].

Те же проблемы наблюдаются и в других стратегических документах. В их числе, например, Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 г., в качестве основного результата которой заявлено «создание условий для активного долголетия граждан старшего поколения»²⁷, а из шести целевых показателей только один (доля граждан старшего поколения, занимающихся физической культурой и спортом) имеет непосредственное отношение к позитивному восприятию «активного долголетия», а пять остальных касаются обеспеченности геронтологическими койками, удовлетворенности качеством предоставляемых социальных услуг, а также повышения мобильности лиц с ограниченными возможностями, в том числе инвалидов-колясочников.

■ ВЫВОДЫ

Концептуальное осмысление феномена старения населения в научном и политическом дискурсе, связанное в том числе со смещением фокуса в сторону активного долголетия, символизирует переход от восприятия пожилого возраста как времени дожития, связанного с угасанием физической и социальной активности, к рассмотрению его как продолжительного периода от-

носительно здоровой и активной жизни людей, обладающих высоким потенциалом, который может быть использован для реализации как личных, так и общественно значимых целей.

Такой подход открывает большие возможности, с одной стороны, для самих пожилых людей, позволяя им выстраивать долгосрочные жизненные стратегии, ориентируясь на ценности активного долголетия и осознание значимости своего вклада в обеспечение социальной, экономической и геополитической устойчивости государства.

С другой стороны, такой подход представляется перспективным и для государства, которое, создавая условия для реализации потенциала населения старших возрастных групп, получает дополнительный эффект рассмотрения этой категории не как страты, требующей постоянных затрат, а как части населения, которая в меру имеющихся у нее ресурсов может быть активно вовлечена во все сферы жизни общества, в том числе в сферу производства.

Предложенная в рамках данной статьи классификация детерминант активного долголетия охватывает всю совокупность факторов макро-, мезо- и микроуровня и может быть использована при корректировке стратегий активного долголетия на федеральном и региональном уровнях.

Важным представляется также учет и разрешение противоречий, демонстрирующих уязвимость концепции активного долголетия как политического, экономического и социального конструкта и требующих пристального внимания со стороны органов власти, общественных структур и научного сообщества. ●

²⁷ Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.02.2016 № 164-р // Правительство Российской Федерации. URL: <http://static.government.ru/media/files/7PvwllE5X5KwzFPuYtNAZf3aBz61bY5i.pdf> (дата обращения: 01.12.2023).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. БУРЦЕВА Т. А., ГАГАРИНА С. Н., ЧАУСОВ Н. Ю. Оценка качества жизни населения старших возрастов при обосновании стратегий активного долголетия в условиях структурных демографических изменений // *Вестник университета*. 2019. № 2. С. 5–12. DOI 10.26425/1816-4277-2019-2-5-12. EDN NNRKZH.

2. ВАСИЛЬЕВА Е. В. Концепция активного долголетия: возможности и ограничения реализации в России : Монография. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2022. 190 с. DOI 10.17059/661-5.

3. КАЛАЧИКОВА О. Н., КОРОЛЕНКО А. В., НАЦУН А. Н. Теоретико-методологические основы исследования активного долголетия // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2023. № 1 (173). С. 20–45. DOI 10.14515/monitoring.2023.1.2209. EDN TYOGUM.

4. HAVIGHURST, R. J. (1961). Successful Aging. *The Gerontologist*, 1(1), 8–13. <https://doi.org/10.1093/geront/1.1.8>.

5. KATZ, S., & CALASANTI, T. (2014). Critical Perspectives on Successful Aging: Does It “Appeal More Than It Illuminates”. *The Gerontologist*, 55(1), 26–33.

<https://doi.org/10.1093/geront/gnu027>.

6. ROWE, J. W., & KAHN, R. L. (1997). Successful Aging. *The Gerontologist*, 37(4), 433–440. <https://doi.org/10.1093/geront/37.4.433>.

7. АЛЕШНИКОВА В. И., БУРЦЕВА Т. А., Нуридинов З. А. Социальный эффект реализации стратегий активного долголетия // *Управление*. 2020. Т. 8, № 4. С. 86–93. DOI 10.26425/2309-3633-2020-8-4-86-93. EDN KOXBNI.

8. ПАВЛОВА И. А., МОНАСТЫРНЫЙ Е. А., ГУМЕННИКОВ И. В., БАРЫШЕВА Г. А. Российский индекс благополучия старшего поколения: методология, методика, апробация // *Журнал исследований социальной политики*. 2018. Т. 16, № 1 (1). С. 23–36. DOI 10.17323/727-0634-2018-16-1-23-36. EDN YVBCOG.

9. ФРОЛОВА Е. А., КАШАПОВА Э. Р., КЛЕМАШЕВА Е. И., МАЛАНИНА В. А. Оценка активного долголетия в Сибирском Федеральном округе на основе методики Индекса активного долголетия // *Векторы благополучия: экономика и социум*. 2019. № 2 (33). С. 36–45. DOI 10.18799/24056537/2019/2(33)/973. EDN VIBGQW.

10. БАРСУКОВ В. Н., КАЛАЧИКОВА О. Н. Территориальные особенности распространенности активного долголетия // *Вопросы территориального развития*. 2021. Т. 9, № 2. DOI 10.15838/tdi.2021.2.57.3. EDN FJGNAQ.

11. КОРОЛЕНКО А. В. Активное долголетие в жизненных практиках населения Вологодской области // *Социальное пространство*. 2022. Т. 8, № 1. DOI 10.15838/sa.2022.1.33.2. EDN XCZVRT.

12. ШАВУНОВА А. А., РОССОШАНСКИЙ А. И. Оценка субъективного качества жизни представителями старшего поколения // *Проблемы развития территории*. 2018. № 3 (95). С. 7–19. DOI 10.15838/ptd.2018.3.95.1. EDN XPLYTB.

13. ИВАНОВА А. Е. Потребность населения в долголетьи и степень ее реализации // *Социологические исследования*. 2013. № 2 (346). С. 120–129. EDN PWUQRJ.

14. ПАНОВА Л. В. Модель социальных детерминант как основа многоуровневой методологии изучения здоровья // *Петербургская социология сегодня*. 2013. Т. 1, . С. 221–252. EDN RTDXSJ.

15. ПРИСТРОМ М. С., СУШИНСКИЙ В. Э., СЕМЕНЕНКОВ И. И., АРТЮЩИК В. В. Характеристика феномена долголетия. Взгляд на проблему // *Международные обзоры: клиническая практика и здоровье*. 2017. № 5-6 (28). С. 65–74. EDN YMPBPW.

16. ВАНГОРОДСКАЯ С. А. Феномен долголетия в представлениях долгожителей России (по материалам биографического исследования) // *Знание. Понимание. Умение*. 2019. № 1. С. 110–122. DOI 10.17805/zpu.2019.1.7. EDN EBTOEY.

17. ГРИГОРЬЕВА И., БОГДАНОВА Е. Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2020. № 2. С. 187–211. DOI 10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211. EDN WMGFWL.

18. ЛАГУСЕВ Ю. М. Современные тенденции организации туристского обслуживания людей пожилого возраста // *Сервис plus*. 2019. Т. 13, № 2. С. 27–35. DOI 10.24411/2413-693X-2019-10204. EDN GCWUSD.

19. АНИСИМОВ В. Н., ЖАРИНОВ Г. М. Продолжительность жизни и долголетие у представителей творческих профессий // *Успехи геронтологии*. 2013. Т. 26, № 3. С. 405–416. EDN RBXKUX.

20. МАКСИМЕНКО А. В., ВИТКОВСКАЯ Е. Д. Российский и зарубежный опыт культурно-досуговой деятельности граждан старшего возраста как способ активного долголетия (обзор) // *Саратовский научно-медицинский журнал*. 2023. Т. 19, № 1. С. 71–76. DOI 10.15275/ssmj1901071. EDN HFSPQV.

21. РОСТОВСКАЯ Т. К., ТОЛМАЧЕВ Д. П. О реализации проектов активного долголетия на региональном уровне // *Старшее поколение современной России* : Материалы международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 13-14 октября 2021 г.) / под ред. З. Х. М. Саралиевой. Нижний Новгород : Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2021. С. 56–61. EDN WFDHIA.

22. ВОРОВЬЕВ Р. В., КОРОТКОВА А. В. Аналитический обзор проблемы здорового старения в странах европейского региона ВОЗ и Российской Федерации // *Социальные аспекты здоровья населения*. 2016. № 5 (51). EDN XBHKPX.

23. СИНЯВСКАЯ О. В., ЧЕРВЯКОВА А. А. Активное долголетие в России в условиях экономической стагнации: что показывает динамика индекса активного долголетия? // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2022. № 5 (171). С. 94–121. DOI 10.14515/monitoring.2022.5.2043. EDN GNFMLV.

24. СИНДЯШКИНА Е. Н. Ожидаемая продолжи-

тельность здоровой жизни в контексте Десятилетия здорового старения ООН // *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*. 2022. № 1. С. 40–53. DOI 10.20542/afij-2022-1-40-53. EDN CNQOPV.

25. КОЛПИНА Л. В. Геронтологический эйджизм в практиках медицинского и социального обслуживания населения // *Социологические исследования*. 2015. № 5 (373). С. 72–77. EDN TUNQUR.

26. ГРИГОРЬЕВА И. А., СИЗОВА И. А. Траектории старения женщин в современной России // *Мир России. Социология. Этнология*. 2018. Т. 27, № 2. С. 109–135. DOI 10.17323/1811-038X-2018-27-2-109-135. EDN LBFGR.

27. ГРИГОРЬЕВА И. А. Пожилые женщины: «вниз по лестнице» возраста и гендера // *Жен-*

щина в российском обществе. 2018. № 1 (86). С. 5–18. DOI 10.21064/WinRS.2018.1.1. EDN VZPSHZ.

28. НОЯНЗИНА О. Е., МАКСИМОВА С. Г. Интегрированная старость: социальная политика в условиях угроз демографической безопасности // *Society and Security Insights*. 2018. Т. 1, № 1. С. 99–119. EDN XSSFIL.

29. ГАЛКИН К. А. Социальная политика активного долголетия в России и государствах всеобщего благосостояния Европы: опыт сравнительного анализа // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2022. Т. 15, № 2. С. 239–252. DOI 10.15838/esc.2022.2.8 0.15. EDN UQVRAL.

REFERENCES

1. BURTSEVA, T. A., GAGARIN, S. N., & CHAUSOV, N. YU. (2019). Quality of life assessment of the older population at the substantiation of active longevity strategies in the context of structural demographic changes. *Vestnik Universiteta*, (2), 5–12. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-2-5-12>.

2. VASILYEVA, E. V. (2022). *The concept of active longevity: Possibilities and limitations of implementation in Russia*. Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. <https://doi.org/10.17059/661-5>.

3. KALACHIKOVA, O. N., KOROLENKO, A. V., & NATSUN, L. N. (2023). Theoretical and methodological foundations of active longevity research. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (1), 20–45. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2 023.1.2209>.

4. HAVIGHURST, R. J. (1961). Successful Aging. *The Gerontologist*, 1(1), 8–13. <https://doi.org/10.1093/geront/1.1.8>.

5. KATZ, S., & CALASANTI, T. (2014). Critical Perspectives on Successful Aging: Does It "Appeal More Than It Illuminates". *The Gerontologist*, 55(1), 26–33. <https://doi.org/10.1093/geront/gnu027>.

6. ROWE, J. W., & KAHN, R. L. (1997). Successful Aging. *The Gerontologist*, 37(4), 433–440. <https://doi.org/10.1093/geront/37.4.433>.

7. ALESHNIKOVA, V. I., BURTSEVA, T. A., & NURIDINOV, Z. A. (2020). Social effect of implementing active longevity strategies. *Upravlenie*, 8(4), 86–93. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2020-8-4-86-93>.

8. PAVLOVA, I. A., MONASTYRNY, E. A., GUMENNIKOV, I. V., & BARYSHEVA, G. A. (2018). Russian index

of well-being of the older generation: Methodology, methods, testing. *Journal of Social Policy Research*, 16(1), 23–36. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-1-23-36>.

9. FROLOVA, E. A., KASHAPOVA, E. R., KLEMASHEVA, E. I., & MALANINA, V. A. (2019). Active ageing assessment for Siberian federal district based on active ageing index methodology. *Journal of Wellbeing Technologies*, (2), 36–45. [https://doi.org/10.18799/24056537/2019/2\(33\)/973](https://doi.org/10.18799/24056537/2019/2(33)/973).

10. BARSUKOV, V. N., & KALACHIKOVA, O. N. (2021). Territorial features of active longevity prevalence. *Territorial Development Issues*, 9(2). <https://doi.org/10.15838/tdi.2021.2.57.3>.

11. KOROLENKO, A. V. (2022). Active ageing in the life practices of the Vologda oblast population. *Social Area*, 8(1). <https://doi.org/10.15838/sa.2022.1.33.2>.

12. SHABUNOVA, A. A., & ROSSOSHANSKY, A. I. (2018). Assessment of subjective quality of life by the older generation. *Problems of Territory's Development*, (3), 7–19. <https://doi.org/10.15838/ptd.2018.3.95.1>.

13. IVANOVA, A. E. (2013). The population's need for longevity and the degree of its implementation. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (2), 120–129. <https://elibrary.ru/pwuqrj>.

14. PANOVA, L. V. (2013). Model of social determinants as the basis for multilevel methodology in health studies. *Petersburg Sociology Today*, 1, 221–252. <https://elibrary.ru/rtdxsj>.

15. PRISTROM, M. S., SUSHINSKY, V. E., SEMENENKOV, I. I., & ARTYUSHCHIK, V. V. (2017). Characteristics of the phenomenon of longevity. A look at the issue. *International Reviews: Clinical Practice and*

Health, (5-6), 65–74. <https://elibrary.ru/ympbpw>.

16. VANGORODSKAYA, S. A. (2019). The phenomenon of longevity as viewed by female long-livers of Russia (on materials of a biographical study). *Knowledge. Understanding. Skill*, (1), 110–122. <https://doi.org/10.17805/zpu.2019.1.7>.

17. GRIGORIEVA, I., & BOGDANOVA, E. (2020). The concept of active aging in Europe and Russia in the face of the Covid-19 pandemic. *Laboratorium: Journal of Social Research*, (2), 187–211. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211>.

18. LAGUSEV, YU. M. (2019). Modern trends in the organization of tourist services for the elderly people. *Service Plus*, 13(2), 27–35. <https://doi.org/10.24411/2413-693X-2019-10204>.

19. ANISIMOV, V. N., & ZHARINOV, G. M. (2013). Life span and longevity in representatives of creative professions. *Advances in Gerontology*, 26(3), 405–416. <https://elibrary.ru/rbxkux>.

20. MAKSIMENKO, L. V., & VITKOVSKAYA, E. D. (2023). Russian and foreign experience of cultural and leisure activities of older citizens as a way of active longevity (review). *Saratov Journal of Medical Scientific Research*, 19(1), 71–76. <https://doi.org/10.15275/ssmj1901071>.

21. ROSTOVSKAYA, T. K., & TOLMACHEV, D. P. (2021). On the implementation of active longevity projects at the regional level. In Z. Kh. M. Saraliev (Ed.) *The older generation of modern Russia* (pp. 56–61). National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky. <https://elibrary.ru/wfdhia>.

22. VOROBIEV, R. V., & KOROTKOVA, A. V. (2016). Analytical review of healthy ageing in the who European region countries and Russian Federation.

Social Aspects of Population Health, (5), 3. <https://elibrary.ru/xbhkpx>.

23. SINYAVSKAYA, O. V., & CHERVYAKOVA, A. A. (2022). Active aging in Russia during economic stagnation: What can we learn from the dynamics of the active ageing index?. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (5), 94–121. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2043>.

24. SINDYASHKINA, E. N. (2022). Healthy life expectancy in the context of the united nations decade of healthy ageing. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, (1), 40–53. <https://doi.org/10.20542/afj-2022-1-40-53>.

25. KOLPINA, L. V. (2015). Gerontology ageism in practices of medical and social care (according to focus-groups research data). *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (5), 72–77. <https://elibrary.ru/tuhqur>.

26. GRIGORIEVA, I. A., & SIZOVA, I. L. (2018). Trajectories of women's aging in modern Russia. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, 27(2), 109–135. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-2-109-135>.

27. GRIGORIEVA, I. A. (2018). Elderly women: Over the hill – age- and gender-wise. *Woman in Russian Society*, (1), 5–18. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.1.1>.

28. NOYANZINA, O. E., & MAKSIMOVA, S. G. (2018). Integrated ageing: Social policy in the society of demographic security threats. *Society and Security Insights*, 1(1), 99–119. <https://elibrary.ru/xssfll>.

29. GALKIN, K. A. (2022). Social policy of active aging in Russia and European welfare states: Experience of comparative analysis. *Ekonomicheskie i Sotsial'nye Peremeny: Fakty, Tendentsii, Prognoz*, 15(2), 239–252. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.2.80.15>.